

Освеженное предание

В Дании завершились празднества в честь 200-летия Бурнонвиля

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 18 июня. - с. 9

фестиваль балет

Пятнадцатиминутным фейерверком на площади перед Королевским театром закончился фестиваль, посвященный 200-летию балетмейстера Августа Бурнонвиля. Из Копенгагена — ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

Под финал III фестиваля Бурнонвиля (о начале его см. „Ъ“ от 7 и 10 июня) организаторы припасли спектакли, которые никогда не выезжали за пределы Дании. Эти уникальные «гражданственные» спектакли (а политизированный полуфранцуз-полушвед Август Бурнонвиль был большим патриотом Дании, чем сами датчане) рискуют провалиться на гастролях: классического танца в них мало, а сюжеты слишком специфичны, чтобы стать универсальным товаром на мировом балетном рынке.

В одном из них — «Вдали от Дании» — рассказывается о датских моряках, застрявших у берегов Аргентины. У флотского офицера наклеивается роман с дочкой губернатора, ради которой он готов забыть невесту, оставленную в Дании. Весь первый акт красавчик в мундире ухаживает за прекрасной креолкой, одетой по моде середины XIX века — в кринолин и платье до пола. А танцуют преимущественно слуги-негры — этакое нехитрое тамбу-ламбу с растопыренными пальмой пальцами рук. Во втором акте приглашенному на борт фрегата губернатору и его свите экипаж показывает судовую самодельность в виде танцев эскимосов, индейцев и юнг-травести. Развязка наступает неожиданно и мгновенно: губернаторская дочка неумышленно выбрасывает за борт колечко офицерской невесты, тот бросается за ним в море и, выловив добычу, со слезами раскаяния прижимает ее к губам под гимн страны. Самое интересное, что зрители-датчане, напряженно следившие за перипетиями любовной интрижки, при его звуках чуть ли не вытягиваются в струнку вместе со сценическими моряками.

Еще один балет — «Королевские волонтеры на Амагере» —

В патриотическом балете «Вдали от Дании» офицер датского королевского флота (слева за мольбертом) героически преодолел искушение остаться в латиноамериканском раю

повествует о реальных событиях начала XIX века, когда английский флот в три дня разбомбил Копенгаген. Этому предшествовала добровольная мобилизация населения, в которой поучаствовал и папа будущего хореографа — Антуан Бурнонвиль. В балете его сына до разгрома датчан дело не доходит: в ожидании битвы добровольцы флиртуют с поселянками островного форпоста. Крестьянские танцы разрезаются великолепным классическим pas de trois в испанском стиле (встан добровольцев проникают замаскированной женой и две невесты офицеров, до которых дошли слухи о романчиках мужчин). Разумеется, перед ослепительной виртуозностью дам меркнут скромные прелести сельских простушек. Но вот маски сорваны — следует раскаяние легкомысленного мужа и

воссоединение семьи, которое опять-таки чудесным образом обретает патриотическое звучание — как присяга на верность родине-матери.

Но главная национальная святыня Дании — трехактный балет «Народное предание»: сказка про то, как тролли подменили в колыбели младенцев. В результате в семье местных феодалов выросла необузданная стерва, а под землей у троллей — сущая святая. В финале справедливость торжествует, троллиху изгоняют, а благонравная девица выходит замуж за кузена принца. На фестивале этот балет показывали в 562-й раз, вся Дания знает его наизусть. Замирает сердцем, когда буйный хоровод эльфов сводит с ума прекрасного принца (удивительная сцена, поставленная с экспрессивностью XX века). Хохочет, когда троллиха раздваивается в

танце — ручки пытаются сохранить благопристойность позиций, а отвязные ноги сами собой зашвыриваются за уши. Дивится хороводу нечисти, достойного фантазий Михаила Ромма. И утирает слезы умиления на дуэте соединившихся влюбленных, роли которых доверены главным датским звездам — белокурой Гудрун Бойсен и статному златовласому красавцу Кеннету Греву. Достоинства этого спектакля почти не имеют отношения к балету: «Народное предание» — такой же символ страны, как скульптура андерсеновской «Русалочки» на морском берегу или корона датских королей в замке Розенборг.

То, что балет в Дании больше, чем балет, стало окончательно ясно на финальном гала. Прямая трансляция по центральному каналу. Толпа зевак при вхо-

де и красная дорожка на ступенях театра — не только для звезд, но и для всех, кто пожелает по ней прошествовать. Перед концертом — государственный гимн. В королевской ложе — царствующая семья в полном составе, в зале — сановные франтики с орденами в петлицах и дамы в вечерних туалетах. В программе — ни одной иностранной звезды, не допустили даже датчанина Кобборга, нынешнего премьера английского Королевского балета. Зато школа в полном составе: все 73 малолетние надежды датского балета исполнили хрестоматийные бурнонвилевские комбинации.

Три акта концерта соединили общеизвестные шлягеры (экстракт из «Ярмарки в Брюгге») и третий акт «Неаполя») со старинными номерами, специально восстановленными к празднику: очаровательной шуточ-

ной перепалкой в форме па-де-де (из спектакля «Вильгельм Телль»), забавной «Военной полькой», комическим танцем жокеев из балета «Из Сибири в Москву» (в нем речь шла о возвращении вдовы декабриста). Две ведущие примы в сапожках и лосятах лихо задирали ножки и били каблучками-копытцами к удовольствию публики, а следом показали кино 1905 года — этот же номер в исполнении мужчин.

Вкрапленные в гала документальные кадры начала прошлого века лучше любых речей свидетельствовали об уникальной ситуации датского балета. В этом театре балетное мастерство столетиями передается из ног в ноги, как в средневековой семье ремесленников. Да и нынешняя труппа больше похожа на исполненную семью с обилием младенцев (в балет здесь берут с шести лет — и тут же выпускают детей на сцену), тетушек и дедушек (в когорте «характерных артистов» можно работать до 70 лет), бесчисленными кузенами и кузинами, у каждого из которых свои семейные обязанности. Кто специализируется на ролях героинь, кто — на неземных существах, кому-то поручены важные обязанности простолединов, кто-то отвечает за танцы народов мира — ведь самоуверенный Бурнонвиль полагал, что лучше всех знает, как танцевать мазурку, хоту или тантеллу. И был, в сущности, прав: следы его «народных танцев» можно обнаружить хоть у Джорджа Баланчина, хоть у Игоря Моисеева.

Юбилейный гала закончился 20-минутной овацией, сопровождаемой топотом — высшим знаком восхищения и признательности. И увенчался фейерверком — на площади перед театром его ожидала добрая тысяча горожан, не попавших в зал. Десятидневный праздник стоил такого внимания — ведь уже в следующем сезоне старинный датский Королевский балет превратится в нормальную современную компанию, в репертуаре которой постановки здравствующих хореографов займут не менее важное место, чем балеты покойного гения.